E 108/155

108
155.

ВОСПОМИНАНІЯ

О

ВАРВАРѢ МИХАЙЛОВНѢ

САМБИКИНОЙ

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЕЯ ПОРТРЕТА)

ВОРОНЕЖЪ
Типографія Г. М. Веселовскаго.
1870.

801-92
Ч199-Ч

ВОСПОМИНАНІЯ

о

ВАРВАРѢ МИХАЙЛОВНѢ

САМБИКИНОЙ

(Съ приложеніемъ ея портрета).

БИБЛИОТЕКА М.П.М.

ВОРОНЕЖЪ
1870
Типографія Г. М. Веселовскаго.

Дозволено Цензурой. С.-Петербургъ. 22 Іюля 1870 года.

131305-0

Книжка эта не предназначается для публики: это воспоминаніе для близкихъ и знавшихъ покойную; если же она попадется и въ стороннія руки, то можетъ послужить утѣшительнымъ изображеніемъ въ правдивой исторіи внутренняго христіанскаго настроенія, проявляющагося во внѣшнихъ обстоятельствахъ жизни, нерѣдко противодѣйствующихъ, но благодатію Божію побѣждаемыхъ.

В. М. САМБИКИНА.

Въ некрологахъ и воспоминаніяхъ объ умершихъ обыкновенно выставляются гражданскія заслуги ихъ, перечисляются повышенія по службѣ, различныя порученія, даже кратковременное исправленіе какихъ либо должностей, — но болѣе всего награды, и изъ некролога такимъ образомъ выходитъ формулярный списокъ покойнаго. И было время, когда некрологи составляли не отъемлемую принадлежность лицъ только изъ высшей администраціи; а писать некрологъ частнаго лица,—хотя бы жизнь такого лица была полезнѣе обществу, или поучительнѣе въ примѣръ другимъ, чѣмъ лица офиціальнаго, считалось неприличнымъ и ненужнымъ. Настоящій некрологъ представляетъ свѣдѣнія о кратковременной, но исполненной постоянныхъ тяжкихъ недуговъ, жизни страдалицы, въ слѣдствіе обстоятельствъ, не отъ нея зависѣвшихъ и о благодатной ея кончинѣ,

которою Небо наградило ее за земныя страданія.

Въ часъ ночи перваго дня Пасхи (13-го Апрѣля) нынѣшняго (1870 года) скончалась жена Профессора Духовной Семинаріи, Воронежской градской Рождество-Богородицкой церкви священника, Варвара Михайловна Самбикина, на 22-мъ году отъ рожденія. Жизнь ея была непрерывнымъ рядомъ недуговъ физическихъ и душевныхъ скорбей. Родилась она 1-го Августа *) 1848 года въ Воронежѣ и 8-ми лѣтъ осталась сиротою послѣ своей матери **), къ ко-

*) Ея рожденіе какъ бы въ ознаменованіе предназначеннаго ей отъ Бога тернистаго, крестнаго пути въ этой жизни, совпало съ совершеніемъ крестнаго хода изъ градскихъ церквей на рѣку для водоосвященія.

**) Мать ея, *Екатерина Андреевна Скрябина*, урожденная *Кожевникова*, происходила изъ купеческаго званія и была родомъ изъ г. Козлова (Тамбовской губерніи). Она скончалась (34 лѣтъ) 9-го Февраля 1856 года. Покойница своимъ простымъ ласковымъ обращеніемъ со всѣми, своею благотворительностію и скромнымъ образомъ жизни, заслужила всеобщее уваженіе; въ религіозномъ отношеніи она была истинная христіанка.

торой нѣжно была привязана. Не много осталось у покойницы воспоминаній о своей жизни при матери; но какъ радостны и отрадны были для ней эти воспоминанія: безъ слезъ она не могла и говорить о своей кроткой, доброй и любвеобильной мамашѣ. По смерти матери для осьмилѣтняго ребенка настала горькая жизнь... —Отцу ея, *) при разностороннихъ обязанностяхъ, трудно было воспитывать четырехъ малолѣтнихъ дѣтей (остальные три мальчика были еще меньше). Въ такомъ тяжеломъ положеніи достопочтенному о. Протоіерею помогли родст-

---

*) Отецъ ея, Воронежскаго Троицкаго Собора *Каѳедральный Протоіерей Михаилъ Ив. Скрябинъ* родился 10 Ноября 1811 года. По окончаніи семинарскаго образованія въ Воронежѣ обучался въ Кіевской Духовной Академіи. По выходѣ изъ которой былъ преподователемъ священ. писанія сначала въ Каменецъ-Подольской, а потомъ въ Воронежской семинаріи; потомъ преемственно былъ священникомъ Воронежскихъ градскихъ церквей: Вознесенской (на Чугунномъ кладбищѣ), Тихвино-Онуфріевской и Покровской, въ которую былъ возведенъ въ санъ Протоіерея (1856 года), а въ 1862 году переведенъ Каѳедрал. Протоіереемъ въ Троицкій градскій Соборъ.

венники его жены, взявъ дочь его къ себѣ въ г. Тамбовъ; но здѣсь сиротѣ не долго пришлось жить у добрыхъ своихъ родныхъ; вскорѣ явилась одна благодѣтельница, которая не разъ въ критическихъ финансовыхъ своихъ обстоятельствахъ обращалась за пособіемъ къ о. Проторіею, и рѣшилась взять ее съ собою въ Санктпетербургъ, для приличнаго тамъ воспитанія. Выборъ благодѣтельницы сначала палъ было на старшаго мальчика, которому тогда было не болѣе пяти лѣтъ. «Но Ваня такъ былъ тихъ и безотвѣтенъ, разсказывала покойница, что стало жаль, что возмутъ его отъ папаши, и я рѣшилась вмѣсто его ѣхать съ благодѣтельницею въ Петербургъ».

Вскорѣ, впрочемъ, оказалось что благодѣтельница въ порывахъ благодарности за одолженіе, обѣщала сдѣлать болѣе чѣмъ дозволяли ея средства. Взявши Варвару Михайловну въ Петербургъ, она не могла въ скоромъ времени помѣстить ее въ какое либо, считавшееся лучшимъ, учебное заведеніе за неимѣніемъ вакансій и потому, помѣщая ее то въ то, то въ другое учебное заведеніе, наконецъ опредѣлила

въ одно изъ нихъ, и чрезъ нѣсколько времени по опредѣленіи ея туда извѣстила о. Протоіерея, что за содержаніе его дочери онъ самъ долженъ платить по 200 рублей (безъ музыки и танцевъ). О. Протоіерей такъ былъ деликатенъ, что не напомнивши благодѣтельницѣ о ея обѣщаніи, при всей скудости своихъ средствъ, рѣшился, изъ любви къ дочери, дать ей приличное образованіе. Это учебное заведеніе считалось лучшимъ между другими; но и лучшее изъ учебныхъ закрытыхъ женскихъ заведеній было не лучше монастыря для десятилѣтней дѣвочки, которая безъ родныхъ и знакомыхъ прожила безвыходно въ стѣнахъ его шесть лѣтъ. Съ горькимъ прискорбіемъ покойница не разъ вспоминала, какъ ко всѣмъ почти воспитанницамъ являлись въ заведеніе, то родные, то знакомые ихъ, приносили лакомства, брали къ себѣ въ домъ на каникулы; а она одна изъ немногихъ, какъ безпріютная сирота, оставалась въ стѣнахъ заведенія. Поэтому она съ жаромъ принялась за ученіе и, не смотря на громадныя для ней трудности и препятствія, была одною изъ лучшихъ воспитанницъ. Заведеніе,

находившееся въ нѣмецкой части города, большею частію состояло изъ воспитанницъ нѣмецкой расы, какъ и самое начальство, а нерѣдко и прислуга; а потому преобладающимъ разговорнымъ языкомъ тамъ былъ нѣмецкій. Этаго мало, воспитанницъ съ самаго поступленія въ заведеніе обучали нѣмецкому и французскому языкамъ, мало заботясь о русскомъ; даже самыя науки преподавались на этихъ языкахъ (исключая Закона Божія и Русской Исторіи), а успѣть освоиться съ какимъ либо иностраннымъ языкомъ и взрослому, развитому человѣку трудно, тѣмъ болѣе небольшой дѣвочкѣ. Печатныхъ учебниковъ наставники не рекомендовали воспитанницамъ, а выдавали свои записки по наукамъ, ими прочитываемымъ; эти записки выдавались на нѣмецкомъ, или французскомъ языкахъ, и воспитанницы должны были переписывать для себя сначала въ черновыя тетради, изъ нихъ въ бѣловыя, а изъ бѣловыхъ въ экзаменаціонныя (для показа на экзаменѣ); послѣднія записки переписывались иногда по нѣсколько разъ, потому что малѣйшая помарка, замѣченная учителемъ въ тетради, обязывала

переписывать всю тетрадь. Отъ покойницы осталось нѣсколько довольно объемистыхъ тетрадей по нѣкоторымъ наукамъ, (другія были розданы ею на время своимъ подругамъ). Грустно, тяжело смотрѣть на эти тетради и жалко становится за труженницъ, слабое здоровье которыхъ подрывалось такимъ безполезнымъ трудомъ. Сколько изъ за этаго переписыванія тетрадей утрачено силъ и здоровья!

Варварѣ Михайловнѣ выпалъ печальный жребій учиться въ означенномъ учебномъ заведеніи въ такое несчастное для него время, когда начальницею его по протекціи была жена аптекаря, или провизора, нѣмка. При ней пансіонская жизнь стала еще тяжелѣе и не въ одномъ только учебномъ, но и въ другихъ отношеніяхъ. Какъ сама начальница, не соотвѣтствовавшая ни своимъ образованіемъ, ни своими понятіями о надлежащемъ воспитаніи дѣвицъ, обязана была своею должностію протекціи, такъ въ свою очередь сама содѣйствовала опредѣленію въ класныя дамы такихъ особъ, у которыхъ на заднемъ планѣ было добросовѣстное выполненіе своихъ обязанностей. Явились классными

дамами такія лица, которыя своимъ жосткимъ обращеніемъ съ дѣвицами выводили ихъ изъ терпѣнія, а нѣкоторыя изъ нихъ легкомысленнымъ и небрежнымъ смотрѣніемъ за воспитанницами доводили ихъ до простудныхъ болѣзней, что, испытала на себѣ и Варвара Михайловна.

При большихъ учебныхъ занятіяхъ пансіонскій столъ не отличался обиліемъ. Дѣвицъ пріучали къ аскетическому воздержанію, иногда и не по силамъ ихъ; до чего былъ скуденъ, столъ, показываетъ то, что счастливыми считались тѣ воспитанницы, на тарелкѣ которыхъ лежала порція хлѣба отъ края (горбушка), а не тонкій ломтикъ. Но это было привиллегіею тѣхъ воспитанницъ, которыя пользовались, конечно не безъ вознагражденія, благосклонностію горничныхъ, приготовлявшихъ столъ. Съ какою благодарноотью вспоминала покойница объ одной кухаркѣ (въ пансіонѣ), давшей ей когда то остатки гречневой каши! А хлѣбникъ, являвшійся съ своими булками, считался благодѣтелемъ; прихода его многія, конечно, имѣвшія деньги, ожидали съ нетерпѣніемъ. Увеличить объемъ порцій и вообще улучшить столъ за-

висѣло отъ начальницы; но она была слишкомъ далека не только отъ воспитанницъ, но и отъ инспектриссы и классныхъ дамъ. Однажды цѣлымъ курсомъ просили инспектриссу дать имъ хотя по куску чернаго хлѣба: она отказала, чтобы не тревожить начальницу изъ за пустяковъ; а между тѣмъ роднымъ строго было запрещено отъ пансіонскаго начальства вносить что либо изъ съѣстнаго (наприм. пироги и т. п.), кромѣ конфектъ и другихъ сластей. Бойкія и смѣтливыя воспитанницы успѣвали проносить мимо своихъ класныхъ дамъ приносимыя для нихъ подарки въ свои дортуары; но робкія и застѣнчивыя не рѣдко подпадали подъ опалу, лишаясь приносимыхъ имъ вещей и подвергались иной разъ унизительнымъ наказаніямъ. Съ сердечною горестью покойница разсказывала, какъ за шесть лѣтъ пансіонской жизни однажды ей знакомою дамою принесенъ былъ пирогъ, котораго она не могла скрыть; пирогъ былъ отнятъ и съѣденъ класными дамами въ глазахъ той, которой онъ принадлежалъ и сама она была оштрафована, какъ виновная.

Поступивши изъ родительскаго дома въ

заведеніе здоровою, рѣзвою и развязною дѣвочкою, Варвара Михайловна вскорѣ, благодаря разнымъ репрессивнымъ мѣрамъ, сдѣлалась такъ тиха и застѣнчива, что боялась и слова лишняго проронить, тѣмъ болѣе, что самое происхожденіе изъ духовнаго сословія не разъ служило для неразумныхъ поводомъ къ разнымъ укорамъ, не заслуженнымъ и обиднымъ. Такому смиренію не по дѣтскимъ своимъ лѣтамъ, она обязана была между прочимъ слѣдующему печальному обстоятельству. Отецъ ея, получая отъ ней короткія письма, въ которыхъ она подъ диктовку классныхъ дамъ писала, что въ заведеніи ей хорошо и такая постоянно-однообразная фраза навела его на мысль, что едвали это правда. Чрезъ одну знакомую даму, бывшую, по его просьбѣ въ заведеніи, онъ получилъ письмо, написанное инкогнито отъ классныхъ дамъ, гдѣ дочь съ дѣтскою откровенностію описала отцу не слишкомъ веселую свою жизнь. На это письмо о. Протоіерей послалъ ей отвѣтное письмо, въ которомъ также откровенно сѣтовалъ на печальную ея обстановку въ заведеніи. Письмо это, по обыкновенію, было

прочитано начальницею и страшная буря поднялась противъ виновницы, дерзнувшей сказать правдивое слово о заведеніи своему отцу. Ее заставили въ первомъ же письмѣ къ отцу написать о себѣ и своемъ поведеніи дурную аттестацію, что будто бы всѣ классныя дамы недовольны ея поведеніемъ,—тогда какъ въ предъидущихъ письмахъ то и дѣло писали о ея успѣхахъ и прекрасномъ поведеніи, за что часто получала наградныя кокарды.

Къ сожалѣнію и класныя дамы, большею частію пожилыя дѣвы, не могли питать къ воспитанницамъ материнской любви и небрежно смотрѣли за дѣвицами. Вотъ одинъ изъ фактовъ, въ которомъ выразилось крайнее нерадѣніе ихъ о воспитанницахъ. (Фактъ этотъ представляется потому, что послѣдствіемъ его была продолжительная и тяжкая болѣзнь Варвары Михайловны, сведшая ее въ могилу.) Однажды, зимою воспитанницъ вывели въ садъ погулять; аллеи были разчищены и по нимъ только дозволялось дѣвицамъ ходить; по сторонамъ аллей лежало много снѣгу: цѣлыми кучами онъ лежалъ и своею, отъ солнца искрив-

шеюся, бѣлизною обратилъ вниманіе воспитанницъ и меньшому классу захотѣлось потоптать этотъ снѣгъ; онѣ упросили надзиравшую за ними классную даму дозволить имъ погулять по снѣгу; та, занятая бесѣдою съ своими любимицами, согласилась на такую неразумную просьбу. Съ дѣтскою радостію сначала меньшія, а потомъ и старшія воспитанницы принялись бѣгать по снѣгу, утаптывать его и т. п. Въ числѣ другихъ участвовала и Варвара Михайловна. Послѣдствіемъ такого удовольствія было то, что нѣкоторыя изъ воспитанницъ, при легкой обуви, отъ растаявшаго въ комнатахъ запавшаго въ ихъ башмаки снѣгу, простудились и особенно печальны были послѣдствія для покойницы. Отъ природы слабая, она въ заведеніи перенесла довольно болѣзней, то золотуха, то лихорадка, то корь, застуженный и павшій на легкія, то другія простудныя болѣзни нерѣдко заставляли ее жить въ лазаретѣ; и такимъ образомъ разслабленная разными недугами, она послѣ вышеописанной прогулки по снѣгу, была отправлена въ больницу, гдѣ вскорѣ начались боли въ лѣвомъ бо-

ку и сильный кашель. По разсчетливой экономіи, а можетъ быть и по непрактичности доктора, болѣзнь приняла серьезные размѣры; призванъ былъ другой докторъ; онъ нашелъ болѣзнь ея опасною, потребовалъ улучшенія пищи и грозилъ жаловаться высшему начальству заведенія, такъ какъ его замѣчанія касательно пищи и лекарствъ были вначалѣ оставляемы безъ вниманія непосредственнымъ пансіонскимъ начальствомъ. — Нельзя пройти молчаніемъ и другой прискорбный фактъ изъ пансіонской жизни покойницы, такъ какъ она до смерти своей помнила его въ раздробленномъ локтѣ. По какому-то случаю ночью забрела въ дортуары воспитанницъ собака, или кошка; воспитанницы уже спали; первая, разбуженная шумомъ, воспитанница въ испугѣ закричала и своимъ крикомъ разбудила другихъ; поднялась сильная тревога; за темнотою, а еще болѣе отъ страха, дѣвицы не могли разсмотрѣть чудовище, испугавшее ихъ; опрометью побѣжали въ другія комнаты и во время бѣгства Варвара Михайловна такъ сильно разшибла руку объ стеклянную дверь, что раздробила правую

локтевую кость и, не смотря на леченіе, раздробленныя локтевыя кости часто, особенно въ непогоду, безпокоили ее до самой смерти.

Не смотря на свою болѣзнь, Варвара Михайловна сильно безпокоилась, какъ бы ей не отстать въ наукахъ отъ своихъ подругъ и потому въ лазаретѣ приготовляла свои лекціи, готовилась къ экзаменамъ; больная являлась на нихъ и держала экзамены, не смотря на свою болѣзнь и на запрещеніе доктора и классныхъ дамъ. Ея подруги были къ ней такъ добры и расположены, что, раздѣливши между собою ея тетради (во время ея болѣзни), записывали въ нихъ лекціи по разнымъ предметамъ. Глубокую признательность покойница питала къ своимъ подругамъ и особенно къ Ол. Д., О. Од., З. В.., Е. Шп. и другимъ. Изъ оставшихся записокъ и писемъ отъ подругъ къ ней (во время ея пребыванія въ лазаретѣ) видна крайняя ея заботливость объ успѣхахъ въ наукахъ; мало того больная и болѣзненная, благодаря своимъ способностямъ и особенно усидчивому труду, она мечтала объ окончаніи курса съ медалью. Но постепенно уси-

лившаяся въ груди болѣзнь дѣлала для ней невозможными дальнѣйшія занятія науками; для поправленія здоровья ей нуженъ былъ деревенскій воздухъ и свобода отъ занятій. Отецъ ея, узнавши о ея тяжкой болѣзни, во многихъ письмахъ настоятельно требовалъ, чтобы она, оставивши заведеніе, переѣхала жить къ нему домой, а по выздоровленіи можетъ, или снова продолжать свое ученіе въ томъ же заведеніи, или же закончить свое образованіе въ самомъ Воронежѣ. Больная сильно колебалась: остаться ли ей въ заведеніи до окончанія курса (а до этого оставалось не болѣе 5-ти мѣсяцевъ), или же для поправленія здоровья ѣхать къ отцу, въ Воронежъ. Жаль было ей разставаться съ любимыми и любящими подругами; но и тѣ въ виду развитія опасной болѣзни ея совѣтывали ей больше заботиться о поправленіи здоровья, чѣмъ объ окончаніи курса. «Вы спрашивали меня, писала къ ней одна изъ подругъ, ѣхать ли, или не ѣхать домой? я вамъ отъ искренняго сердца совѣтую ѣхать; это я думаю, каждый вамъ посовѣтывалъ бы, потому что вы сами знаете, какъ плохоздоровье ваше

и что только дома вы можете поправиться, гдѣ будутъ лучше за вами смотрѣть, чѣмъ здѣсь...» Но ее болѣе всего безпокоило желаніе окончить полный курсъ пансіонскаго образованія; сознавая себя больною, она въ случаѣ отъѣзда домой и тамъ хотѣла продолжать свои научныя занятія и одна изъ ея подругъ рѣшилась при своей бѣдности списывать для ней пансіонскія лекціи и посылать къ ней на родину. «Что вы все безпокоитесь объ урокахъ, писала къ ней г. О. Д., выучить ихъ вы можете и дома. Будьте такъ добры оставьте мнѣ вашъ адресъ; а я вамъ вмѣсто письма на большомъ почтовомъ листѣ буду списывать лекціи и присылать ихъ къ вамъ, а вы дома можете переписывать ихъ въ свои тетради. На счетъ этого прошу васъ не безпокойтесь, и думаю, что вы имѣете на столько ко мнѣ довѣрія, что положитесь на меня и будьте спокойны; такъ же прошу васъ не думать о томъ, что это можетъ затруднить меня, только пожалуста оставьте свои затѣи (Вар. Михайловна обѣщалась за присылку лекцій посылать своей подругѣ деньги), не присылайте мнѣ денегъ, я ни за что въ мірѣ не возьму

ихъ; хотя я и бѣдна, но все таки пожертвовать десятью копѣйками больше обыкновеннаго для той, которую люблю, ничего незначитъ; я лучше откажу себѣ въ чемъ нибудь, а для васъ, если что нужно будетъ, непремѣнно сдѣлаю...» А между тѣмъ состояніе ея здоровья было очень плохо, такъ плохо, что благодѣтельница, взявшая ее къ себѣ изъ заведенія, нѣсколько времени ничего не писала къ ея отцу и послѣ уже объясняла ему, что «причиною моему молчанію была сама Варинька, которую ко мнѣ привезли въ такомъ жалкомъ состояніи, что я никакъ не могла рѣшиться къ вамъ писать, покуда не увижу рѣшительной перемѣны къ лучшему; она живетъ возлѣ меня; сидитъ довольно твердо; глаза оживились, также и голосъ; краска слегка появляется на щекахъ; аппетитъ пришелъ, спитъ и почти не кашляетъ, но еще не довольно сильна...»

Не суждено было Варварѣ Михайловнѣ окончить полнаго курса наукъ; менѣе чѣмъ за полгода до выпуска, она принуждена была по своей болѣзни оставить заведеніе и навсегда разстаться съ своими подругами.—Шестнадца-

тилѣтнею дѣвушкою она въ 1865 году возвратилась подъ родительскій кровъ, котораго не видѣла восемь лѣтъ; но не похожа была она на дѣвушку совершенныхъ лѣтъ; тяжелыя занятія науками, постоянныя болѣзни до того имѣли дурное вліяніе на ея физическое развитіе, что судя по ея росту казалось ей (на видъ) не болѣе двѣнадцати или тринадцати, лѣтъ и, только благодаря искусному леченію доктора Т., она поправилась въ своемъ здоровьи и на видъ казалась совершенно здоровою.

По выходѣ изъ учебнаго заведенія, Варвара Михайловна вела въ домѣ своего родителя жизнь уединенную, замкнутую, безъ всякихъ удовольствій и развлеченій, къ чему бываютъ такъ склонны воспитанницы закрытыхъ заведеній. Любимымъ ея занятіемъ была музыка и нѣмецкій языкъ; на послѣднемъ она занималась и практически съ одною знакомою нѣмкою и теоретически — переводила сочиненія Шиллера на русскій языкъ; перечитывала свои учебныя книги и тетради, не покидая мысли по выздоровленіи отправиться въ Петербургъ и тамъ докончить свое образованіе; къ этому, какъ

видно изъ ея переписки съ подругами, направлены были тогда всѣ ея мысли и желанія. Въ часы досуга отъ своихъ занятій, она помогала своимъ братьямъ въ приготовленіи ихъ уроковъ, а средняго изъ нихъ, какъ болѣе другихъ трудолюбиваго и расположеннаго къ ней, она рѣшилась обучать французскому языку.

Кромѣ научныхъ занятій, Варвара Михайловна, при видѣ разстроеннаго хозяйственнаго быта своего отца, энергично занималась хозяйствомъ и вездѣ хотѣла соблюдать интересы нѣжно любимаго ею отца, который, по неопытности въ практической жизни, не обращалъ на это вниманія, а этимъ въ ущербъ его экономіи воспользовалась прислуга. Понятно, какъ, привыкшая къ безконтрольному веденію чужаго хозяйства, прислуга начала смотрѣть на энергичную новую хозяйку; между ними скоро установились отношенія самыя натянутыя; на каждомъ почти шагу начались мало-замѣтныя для постороннихъ, но крайне чувствительныя для молодой и часто не опытной хозяйки (въ учебн. закрытыхъ заведеніяхъ всему учатъ, а не учатъ только искусству вести хозяйств. экономіи)

оскорбленія. Ея распоряженія съ умысломъ часто не понимались, извращались и, конечно, хозяйство не всегда шло успѣшно. Съ затаенною злобою, издавна привыкшая въ мутной водѣ ловить рыбу, прислуга рѣшилась разными жалобами, обвиненіями поселить вражду между отцемъ и дочерью и въ первомъ подорвать довѣріе къ нѣжно привязанной къ нему дочери и такимъ образомъ отстранить молодую хозяйку отъ хозяйства. Но это не всегда удавалось и потому хитрая прислуга прибѣгла къ другой мѣрѣ, казавшейся легко достижимою—совсѣмъ выжить изъ дому противную, дѣятельную не по лѣтамъ, хозяйку. Къ содѣйствію въ этомъ предпріятіи приглашена была прислугою одна изъ всесвѣтныхъ свахъ (характеръ и дѣятельность которой вѣрными чертами обрисованы въ «Библіотекѣ для чтенія 1864 г. Женидьба Приказнаго»). Самозванная опекунша, подъ предлогомъ знакомой (а кто ее не знаетъ въ городѣ?!) начала учащать въ домъ о. Протоіерея и, совмѣстно съ прислугой, принялась за дѣло; прежде всего она начала вести бесѣды съ Варв. Михайловною о разн. житейск. предметахъ и

рѣчь свою обыкновенно заканчивала разсказами о женихахъ; но покойница инстинктивно поняла цѣль подобныхъ разглагольствій и съ отвращеніемъ отреклась отъ знакомства съ этою особою; въ отмщеніе за свою неудачу, она сама вымышляла и распускала между знакомыми различныя клеветы о характерѣ, поведеніи, воспитаніи и т. п. покойницы, а между тѣмъ, какъ будто отъ искреняго желанія добра передавала добродушному ея родителю разные анекдоты о предосудительныхъ поступкахъ нѣкоторыхъ дѣвицъ, наводя его так. образомъ на мысль—скорѣе сбыть съ рукъ свою дочь выдачею ее въ замужество.

Окруженная лицами, мало сочувствовавшими высшимъ цѣлямъ ея, а только думавшими по разнымъ побужденіямъ поскорѣе устроить судьбу сироты выдачею въ замужество, Варвара Михайловна, по необходимости, въ себѣ самой сосредоточила всѣ свои чувства и желанія и — потому не любила ни выѣздовъ въ гости, ни веселыхъ собраній. Однажды и то почти съ принужденіемъ пришлось быть ей на одномъ балѣ и этотъ вечеръ оставилъ въ ней тяже-

лое впечатлѣніе; она его считала потеряннымъ напрасно. Музыка для ней была единственнымъ развлеченіемъ; съ увлеченіемъ она предалась музыкальной игрѣ; такъ какъ въ ней она могла высказать, волновавшія ея дѣвственное сердце, мысли; чрезъ нее она выражала свои чувства; музыкѣ повѣряла свои задушевныя тайны и потому-то игра ея всегда отличалась задушевностію, теплотою чувства; въ звукахъ рояля слышалось что-то родное, близкое для ней; ея восторженная душа отвлекалась отъ грустной своей обстановки, вызвышалась въ страну вѣчнаго мира и блаженства; безукоризненно чистая, дѣвственная душа въ музыкѣ, какъ сердечной молитвѣ, находила для себя утѣшеніе при грустно-тяжеломъ своемъ домашнемъ бытѣ; нѣжно любимый ею родитель, единственный ея руководитель въ жизни, постоянно отвлекаемый отъ дома служебными своими обязанностями не щедръ былъ на бесѣды съ нею; а между тѣмъ замкнутая, пансіонская жизнь изолировала ее отъ общества,—и прямымъ, непосредственнымъ переходомъ изъ родительскаго дома для ней въ перспективѣ представлялась

снова уединенная, вѣчно затворническая жизнь въ монастырѣ. Съ какимъ дѣтски-наивнымъ увлеченіемъ она мечтала о пріятной, мирной жизни въ монастырѣ!

Но не монастырь судилъ ей Богъ. Не болѣе, какъ мѣсяца за четыре до брака, въ бытность свою въ домѣ одного своего знакомаго, она встрѣтила въ молодомъ, недавно поступившемъ въ семинарію, наставникѣ будущаго своего мужа; своимъ дѣтски наивнымъ, простодушнымъ обращеніемъ съ нимъ, она произвела на него сильное вліяніе; образованіе, полное и всестороннее сразу поставило ее выше всѣхъ туземныхъ дѣвицъ-невѣстъ, которое было тѣмъ выше и цѣннѣе, что обладавшая имъ и не сознавала такого своего достоинства и преимущества предъ другими, отсутствіе всякой аффектаціи и кокетства, дѣвственность и чистота ея чувствъ невольно привлекали къ ней сердечное сочувствіе; съ другой стороны грустная, сиротская ея жизнь безъ матери, опытной руководительницы въ житейскомъ омутѣ, заставляли опасаться за сохраненіе въ ней такого, прекраснаго, идеальнаго типа при даль-

нѣйшемъ знакомствѣ съ лицами нравственно-испорченными и потому въ молодомъ человѣкѣ явилась эгоистическая, но благородная мысль не допустить ее до какихъ либо промаховъ въ жизни, ревниво охранять и сохранить въ ней ея прекрасныя качества ума и сердца, не дать такого сокровища въ другія и, быть можетъ, не достойныя руки. Съ своей стороны и она изъ всѣхъ окружавшихъ ее молодыхъ мужчинъ болѣе всѣхъ отличала суженнаго своего; въ ея дѣвственномъ сердцѣ въ первый разъ загорѣлся чистый и сильный пламень любви; въ этомъ молодомъ человѣкѣ она съ перваго раза инстинктивно почувствовала что-то близкое, родное, хотя ни словомъ, ни даже намекомъ, не было высказано о возможности близкаго между ними родства. Но сердце ея предрѣшило ея судьбу; или, лучше сказать, самый промыслъ Божій свыше предопредѣлилъ ея судьбу. Будущій ея мужъ, имѣя въ виду въ скоромъ времени поступить во священники, колебался выборомъ невѣсты (такъ какъ многія изъ нихъ по нѣкоторымъ отношеніямъ, представляли болѣе выгодную партію) и въ такомъ ду-

шевномъ настроеніи, отправился къ своимъ родителямъ за полученіемъ отъ нихъ благословенія на вступленіе въ бракъ и тамъ случайно обратилъ онъ вниманіе на икону своего ангела и—на ней, по желанію родителей (давно, еще въ 1851 г.) была изображена Великомученица Варвара. Неизвѣстно побужденіе написать эту святую вмѣстѣ съ св. Димитріемъ; но эта икона, прежде не обращавшая на себя особеннаго его вниманія, произвела сильное впечатленіе на молодаго человѣка. Онъ замѣтилъ прибывшему съ нимъ наставнику семинаріи: кто написанъ съ его ангеломъ? Тотъ отвѣчалъ, что легко одну святую перемѣнить на другую, сдѣлавши другую подпись (этимъ онъ намекалъ на другихъ невѣстъ). Но «такъ угодно Богу», было отвѣтомъ на это замѣчаніе и сердце инстинктивно подтвердило этотъ выборъ.

Но не суждено было ей и въ новой для ней жизни найти утѣшеніе и вознагражденіе за свои лишенія и страданія, которымъ подвергалась въ своей дѣвической жизни. При возможно покойной жизненной обстановкѣ въ ней прежнія болѣзни (только временно залѣченныя)

снова появлялись, усложнялись и, не смотря на постоянныя леченія, усиливались, хотя рѣдко кто изъ окружавшихъ больную слышалъ отъ ней жалобы на свои тяжкія физическія страданія. Предчувствуя свою близкую кончину, Варвара Михайловна постоянно имѣла въ виду одну цѣль—приготовленіе къ христіанской кончинѣ и любимою темою ея разговоровъ съ близкими къ ней было о смерти, о загробной жизни и т. п., хотя подобныя бесѣды ея не гармонировали ни съ лѣтами ея, ни съ ея домашнею обстановкою, но грустно тяжелымъ чувствомъ всѣ ея вѣщія рѣчи отзывались въ сердцѣ ея мужа и ближнихъ, не предчувствовавшихъ такой ранней съ нею разлуки; а между тѣмъ она, какъ избранница Божія, была не отъ міра сего и по своему образу жизни и по своему религіозному настроенію и съ замѣчательною настойчивостію приготовляла себя къ христіанской кончинѣ. Божій храмъ былъ для ней любимѣйшимъ мѣстомъ посѣщенія и—на смертномъ одрѣ своемъ она съ восторженною радостью мечтала: какъ лѣтомъ вмѣсто прогулокъ будетъ ходить съ своимъ мужемъ въ приходской храмъ къ Бого-

служенію. Съ первымъ ударомъ колокола она спѣшила къ вечернему, или утреннему богослуженію и особенно нравилось ей быть въ церкви въ дни будничные, когда въ тиши, никѣмъ незамѣчаемая могла свободнѣе и пламеннѣе молиться Богу на любимомъ своемъ мѣстѣ предъ мѣстно чтимою иконою Божіей Матери Всѣхъ Скорбящихъ Радости. Съ какимъ прискорбіемъ, переселясь въ скоромъ времени въ церковный домъ, находящійся вдали отъ храмовъ, она сожалѣла, что не можетъ ежедневно присутствовать при церковномъ Богослуженіи; но если наступалъ воскресный, или какой либо праздничный день, ничто не могло удержать ее отъ посѣщенія храма Божія; какая бы дурная погода ни была, не смотря на убѣжденія другихъ дома помолиться, являлась къ церковной молитвѣ и нерѣдко за такую ревность къ храму Божію платилась простудными болѣзнями. Въ случаѣ невозможности по болѣзни, или по непогодѣ, быть ей въ храмѣ, нерѣдко въ домѣ совершались различныя Богослуженія и—это было радостнѣйшимъ праздниковъ для ея благочестивой души. Искренно вѣрующая и несуевѣрно благо-

честивая, Варвара Михайловна любила заниматься и хозяйственными дѣлами, вездѣ ей самой хотѣлось быть участницею; на ея обязанности лежали всѣ домашнія дѣла и все это вела съ замѣчательною аккуратностію. Все-цѣло преданная интересамъ своего мужа и семейства, она не хотѣла да и не имѣла времени думать о свѣтскихъ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ, особенно по рожденіи перваго дитяти (Іоанна—15 го января 1868 года).

Рожденіе перваго дитяти ослабило и безъ того слабый и болѣзненный ея организмъ; она рѣдко себя чувствовала здоровою, хотя врачи постоянно посѣщали ее. Послѣ 2-хъ родовъ (Анна—2-го января 1870) она, при всей живости и дѣятельности своей, слегла въ постель и въ теченіи ста дней (2 января—13 Апрѣля) она не могла свободно встать съ своего смертнаго ложа. Употреблены были всевозможныя средства къ ея излеченію, но ожесточенная болѣзнь ея оказалась смертельною. Принося благодарность за усердное леченіе ея г. Т., (до отъѣзда его въ С.-Петербургъ.) и П., лечившаго ее въ послѣднее время, нельзя

пройти молчаніемъ о нѣкоторыхъ личностяхъ, съ коими по необходимости, къ сожалѣнію, пришлось имѣть дѣло во время послѣдней, упорно-продолжительной ея болѣзни. Въ ночь подъ 2-е Февраля больной было особенно дурно; потребовалась немедленная помощь врача и потому обратились къ первому изъ ближайшихъ докторовъ (такъ какъ квартира г. П. была очень далеко); это былъ извѣстный по своимъ операціямъ (по поводу которыхъ полемизировали Воронежскія газеты въ 1869 г. «Донъ» и «Воронежскій Телеграфъ.») докторъ С. Мужъ больной сквозь слезы упрашивалъ его немедленно посѣтить больную. Докторъ началъ рѣчь свою выговоромъ за позднюю тревогу его (именно въ 11-й часъ ночи) потому что, какъ видно по его туфлямъ и ночному халату, онъ собирался уже на покой отъ дневныхъ трудовъ. Вслѣдствіе усиленной просьбы мужа больной, докторъ рѣшился было посѣтить больную, но предварительно занялся распросами: когда и чѣмъ заболѣла больная, кто ее пользуетъ и т. п.? Услыхавши имя врача П., докторъ сказалъ: «я немогу быть у васъ.»—Какъ? поче-

му?—«Вы знаете: какія у насъ личности съ г. П? пояснялъ далѣе докторъ,»—Больной нѣтъ дѣла до вашихъ личныхъ отношеній къ кому бы то ни было; ей нужна немедленная помощь; каждая минута для ней дорога—говорилъ полурастерявшійся мужъ больной. «Нѣтъ, не могу, не могу», твердилъ служитель Эскулапа. Много было истрачено и словъ и просьбъ, чтобы убѣдить г. С., стойкаго въ своей дикой честности, посѣтить больную; но все было напрасно. Докторъ на отрѣзъ объявилъ, что онъ ни за что не поѣдетъ и немедленно удалился въ свои комнаты... Кстати о доблестяхъ одной изъ нѣсколькихъ акушерокъ, приглашавшихся въ разное время къ больной. Чрезъ полгода послѣ первыхъ родовъ, Варвара Михайловна, случайно зацѣпившись кринолиномъ за гвоздь, упала съ крыльца и поэтому случаю была пользована акушеркою, не воспринимавшею ребенка, такъ какъ послѣдняя оказалась мало помогшею въ ея болѣзни. По рожденіи второго ребенка позвана была снова воспринимавшая первое дитя; вотъ это время она и выбрала для выговора больной за приглашеніе къ себѣ другой аку-

шерки; она разными язвительными выходками (то настойчивымъ требованіемъ кормилицы, то цѣлодневнымъ непоказываньемъ новорожденнаго младенца матери и т. п.) довела больную, и безъ того сильно ослабѣвшую, до истерическаго рыданія, отъ котораго, по словамъ покойницы, она близка была къ умопомѣшательству. Унялась послѣ сего акушерка и на другой день она сдѣлала мужу неожиданный сюрпризъ, напрямикъ объявивши, что больную нужно приготовлять къ смерти, такъ какъ у ней уже нѣтъ легкихъ. Разстроивши всѣхъ въ домѣ, акушерка въ первые же дни оставляла больную безъ необходимой помощи, такъ какъ въ это время были у ней другія родильницы. «Нечего мнѣ тамъ дѣлать», заявила одному изъ посланныхъ за нею, и дѣйствительно, явившись послѣ сего на одинъ часъ, она ничего не дѣлала.

Болѣзнь Варвары Михайловны, послѣ втораго консиліума, бывшаго въ началѣ Марта, объявлена была опасною, не излечимою и съ этаго времени со дня на день ожидалась ея кончина; но Господь, по неисповѣдимымъ своимъ

судьбамъ, продлилъ ея страданія. Во время своей продолжительной болѣзни, она всецѣло предалась молитвѣ и чтенію душеспасительныхъ книгъ и такимъ образомъ приготовлялась къ христіанской кончинѣ; ежедневно прочитывала она утреннія и вечернія молитвы и нѣкоторые акаѳисты и каноны и—пока не окончитъ своихъ молитвословій, она не рѣшалась принимать пищи; любимымъ ея чтеніемъ въ это время были житія святыхъ (на русскомъ языкѣ) и Дни Богослуженія (Прот. Дебольскаго), и когда ея руки ослабѣли до того, что не могла держать большаго молитвенника, ей былъ доставленъ въ маломъ форматѣ молитвенникъ, по которому она молилась, пока руки окончательно не ослабѣвали и отказывались держать и эту книжку. Не имѣя силъ сама читать, она просила своего мужа—прочитать что либо изъ свящ. книгъ,—и для ней были прочитаны: «Сказанія о земной жизни Божіей Матери» (Аѳонское изданіе), «Земная жизнь Спасителя» (въ переводѣ г. Орды), «Разсказы по Церковной Исторіи» и всѣ четыре Евангелія. Евангельскія чтенія были послѣдними, напутственными въ

загробную жизнь, потому-то на руки покойницы было возложено любимое ея, красиво переплетенное, небольш. формата Евангеліе, на славянскомъ языкѣ. Съ какимъ вниманіемъ, не смотря на крайнее изнеможеніе, выслушивала она чтеніе, это видно изъ того, что непонятое ею выраженіе, или какое-либо событіе, не ясно ею воспринятое, она просила вновь прочесть, или своими словами разсказать.

Въ послѣднихъ числахъ Марта болѣзнь ея до того усилилась, что сами врачи совѣтовали внимательнѣе слѣдить за больною, такъ какъ конецъ ея близокъ. 7-го Апрѣля Варвара Михайловна до того ослабѣла, что окружавшіе ея постель, при видѣ крайняго изнеможенія, не могли удержаться отъ слезъ. Больная,—для которой всегда представлялась не пріятною и преждевременною печаль о ней,—съ дѣтскою простотою и наивною увѣренностію замѣтила: «Что вы?.. я еще буду жить; умру на Пасху; дай только Богъ св. Таинъ причаститься»... Но слабость ея была такъ велика, что въ тотъ же день она была пріобщена св. Таинъ и видимо оживилась. Вообще нужно замѣтить, что

на душѣ ея становилось веселѣе и пріятнѣе, и физически чувствовала себя лучше, послѣ совершенія какого либо молебствія, елеосвященія и особенно причащенія св. Таинъ; церковныя богослуженія дѣйствовали на ея благочестивую душу лучше и благотворнѣе всякаго лекарства. Вся страстная недѣля прошла въ постоянномъ и тревожномъ ожиданіи ея кончины, хотя больная въ это время казалась покойнѣе; по выраженію ея лица видно было, что въ душѣ ея благодатный миръ и казалось, что она уже выше физическихъ страданій; такое прекрасное настроеніе души поддерживалось въ болящей частымъ причащеніемъ св. Таинъ. Въ Великую Субботу кто-то спросилъ ее: «знаете-ли вы, что завтра большой праздникъ— Пасха?» «Я его и жду», отвѣчала больная. И дѣйствительно съ нетерпеніемъ ожидала его наступленія. Послѣ Литургіи, на первый день Пасхи она была пріобщена св. Тайнъ; отчетливо, хотя весьма тихо прочла за священникомъ молитвы къ причащенію и послѣ принятія св. Таинъ, она замолкла и кромѣ радостныхъ словъ: «воистину воскресе» поздравлявшимъ ее съ воскре-

сеніемъ І. Христа, ничего не говорила, хотя по выраженію лица видно было, что она постоянно была погружена въ умственную молитву; одной изъ окружавшихъ ее прислугъ удалось подслушать молитвен. слова: «Милосердія двери отверзи намъ»... Въ 6-ть часовъ она замолкла совсѣмъ и только минутъ за пять до смерти, она обратилась къ мужу и съ нѣжною ласкою попросила его приподнять ее и скоро на его рукахъ, при чтеніи пасхальнаго канона, скончалась такъ мирно и тихо, что окружающіе не замѣтили послѣдняго ея вздоха.

Вѣсть о ея кончинѣ быстро разнеслась по Воронежу и раннимъ утромъ съ отдаленныхъ окраинъ города являлись посѣтители въ послѣдній разъ проститься съ покойницею. Дни свѣтлаго праздника, вообще возбуждающаго въ христіанахъ всеобъемлющую любовь, пробудили во всѣхъ высшую степень сочувствія къ покойницѣ; при ея тѣлѣ съ 7-ми часовъ утра и до глубокой ночи являлись посѣтители и, какъ волны, они толпами прибывали и отбывали, уступая мѣсто другимъ; и въ самомъ дѣлѣ явленіе поразительное: вездѣ, во всѣхъ домахъ

свѣтлый праздникъ, радостный и торжественный; на всѣхъ видны нарядные, праздничные костюмы, веселыя, восторженныя лица и— вдругъ среди такого всеобщаго веселья—явленіе смерти, покойница и такая юная! Этотъ контрастъ общему душевному настроенію былъ такъ поразителенъ и самъ по себѣ и особенно по отношенію къ покойницѣ, истинной и рѣдкой христіанки въ такихъ молодыхъ лѣтахъ; ея кончина въ день Пасхи для многихъ представлялась высокою на землѣ и вожделенною наградою за ея тяжкія страданія. Кончина ея сдѣлалась предметомъ самыхъ разнообразныхъ бесѣдъ; о ней не только стоустая молва разносила по городу вѣсти, о ней, какъ о необычной новости, писали въ своихъ письмахъ и мемуарахъ, а воспитанницы епархіальнаго женскаго училища ея кончину и погребеніе избрали темою своихъ сочиненій, и сколько по этому случаю было высказано многими изъ нихъ сочувствія къ покойницѣ за ея простое и кроткое со всѣми обращеніе! Воспитанницы духовнаго училища въ знакъ особеннаго своего уваженія упросили начальницу свою посѣтить покойницу въ ея кварти-

рѣ; за нее молились и въ храмѣ во время отпѣванія и ея могилу впослѣдствіи посѣтили и непритворны были ихъ дѣтскія слезы о рано оставившей плачевную земную юдоль; воспитанники духовной семинаріи (ученики мужа покойной) при выносѣ заявляли свое желаніе на своихъ рукахъ отнести ея бренные останки на вѣчное упокоеніе, на Вознесенское (Чугунное) кладбище, (гдѣ погребены и мать и дочь покойницы.)—Третій день Пасхи былъ днемъ ея погребенія; съ утра толпы народа наполняли и домъ и дворъ и улицы, чрезъ которыя проносили тѣло усопшей; пятьнадцать градскихъ протоіереевъ и іереевъ, имѣя во главѣ своей ректора семинаріи, о. Архимандрита, присутствовали при ея отпѣваніи и выносѣ на кладбище. Стеченіе народа было такъ велико, что приходскій Рождество-Богородицкій (Пятницкій) храмъ не вмѣщалъ въ себѣ всѣхъ богомольцевъ. Прекрасная весенняя погода, свѣтлая и тихая, величественное пѣніе архіерейскихъ пѣвчихъ и особенно пасхальное пѣснопѣніе невольно заставляли забывать о смерти, на которую, при такой торжественной обстановкѣ,

казалось многіе смотрѣли не какъ на смерть, а на торжественный переходъ къ вѣчной, блаженной смерти. «Ахъ! какъ славно умирать на Пасху!.. и я желалъ бы умереть на этотъ праздникъ... Если бы отъ меня зависѣлъ день смерти, то непремѣнно избралъ бы Пасхал. праздникъ днемъ своей кончины»... «Хорошо умирать на Пасху,»—такіе возгласы невольно исторгались изъ устъ многихъ.—«Но удостоиться» такой прекрасной кончины въ дни Пасхи могутъ только люди истинно благочестивые. Нельзя при этомъ не замѣтить, что важнѣйшія событія въ жизни Варвары Михайловны ознаменовывались величественнымъ церковнымъ звономъ. Ея рожденіе (1-го Авг.) совпало съ крестн. ходомъ на рѣку при церковн. звонѣ; ея бракосочетаніе было 26-го Августа въ высокоторжественный день Коронаціи Государя Императора (1866 г.), и наконецъ ея кончина и погребеніе случились на св. Пасху.

Добрую и завидную память о себѣ оставила покойная Варвара Михайловна; въ свои не многіе годы, она заслужила всеобщее уваженіе своими высокими христіанскими добро-

дѣтелями. Цѣлью этаго некролога—сохранить эту память надолго въ кругу семейномъ и дружественномъ, независимо однако отъ того, что подобныя описанія жизни могутъ быть не безполезнѣе, а для испытуемыхъ жизнію во всякомъ случаѣ пригоднѣе, нежели біографіи личностей, которыхъ жизнь ознаменовалась блескомъ внѣшнихъ преимуществъ и успѣховъ.

дѣтелями. Цѣлью этаго некролога—сохранить эту память надолго въ кругу семейномъ и дружественномъ, независимо однако отъ того, что подобныя описанія жизни могутъ быть не безполезнѣе, а для испытуемыхъ жизнію во всякомъ случаѣ пригоднѣе, нежели біографіи личностей, которыхъ жизнь ознаменовалась блескомъ внѣшнихъ преимуществъ и успѣховъ.

РКГ
И.Ч.

2019322435